

18+ ЮРИЙ ДРОЗДОВ

Манакон

КНИГА 10

Юрий Дроздов

Манакон. Книга 10

<https://litres.ru/74151997>

ISBN 9785007013048

Аннотация

Кай, бывший инквизитор, сжёгший свои жетоны и вырвавшийся из рабства Системы, ведёт Соппротивление через серию побед, которые оборачиваются трагедией. Освободив первых аватаров — людей, превращённых Архитектором в оружие, — он запускает необратимую цепную реакцию. В ответ Архитектор активирует протокол «Мёртвая рука», уничтожая целый сектор с тысячами мирных жителей, чтобы шантажировать Кая и посеять страх.

Видя последствия своей борьбы — застывшие во времени мгновения смерти,

Содержание

Глава 1: Первая битва у серверной	5
Часть I: Момент перед бурей	6
Часть II: Прибытие врага	23
Часть III: Бой Кая	31
Часть IV: Итог битвы	47
Глава 2: Доступ к архивам	59
Часть I: Поле после битвы	60
Часть II: Взлом	75
Часть III: Иск Искупления	92
Часть IV: Трансляция	97
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Манакоп

Книга 10

Юрий Дроздов

© Юрий Дроздов, 2026

ISBN 978-5-0070-1304-8 (т. 10)

ISBN 978-5-0070-0543-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1: Первая битва у серверной

Часть I: Момент перед бурей

1

Ещё до того, как первый луч серого, больного рассвета просочился сквозь трещины в бетонных стенах, Кай уже не спал. Он сидел на ящике, заменявшем стул, и смотрел на свою правую руку. Пальцы дрожали. Не от холода — в убежище было душно от дыхания тринадцати спящих детей и четырёх взрослых, — а от напряжения. От предчувствия. От того особого, ни с чем не сравнимого ощущения, когда знаешь, что через несколько часов всё изменится — либо ты изменишь всё сам, либо реальность изменит тебя.

Он сжал пальцы в кулак и разжал. Костяшки хрустнули. Рука всё ещё слушалась — неохотно, словно сама не верила в его право распоряжаться ею, но слушалась. Левая же рука, каменная и неподвижная, тускло блестела в свете догорающих углей. Обсидиан, в который превратил её Архитектор, был гладким и холодным, как стены Центральной Башни. Но теперь, спустя несколько дней после ритуала, Кай перестал воспринимать его как чужеродный объект. Камень был частью его — не мёртвой, не живой, а просто другой. Как если бы он родился с ним и только сейчас начал это осознавать.

В убежище царила тишина — та самая, которая наступает перед бурей. Дети Корнелии спали в углу, укрытые старыми одеялами и куртками. Их дыхание, ровное и тихое, сливалось в один успокаивающий ритм. Сама Корнелия дремала, привалившись спиной к ржавой бочке, и даже во сне её руки продолжали обнимать младших — как наседка, которая даже в покое не забывает о своих цыплятах. Она выглядела измождённой, но спокойной. Ритуал сожжения жетонов высосал из неё почти всю искру, и она восстанавливалась медленно, но она держалась.

Шнырь сидел у дальней стены, сжимая в кулаке жетон с надписью «ВЕРНИСЬ». Его глаза были открыты. Он тоже не спал — Кай знал это, хотя мальчишка не произнёс ни слова с тех пор, как они вернулись после распространения Хартии. Он просто сидел и смотрел на вход, ожидая. Чего? Возможно, того же, чего ждал сам Кай. Сигнала. Приказа. Первого удара.

Грегор стоял у импровизированного стола — старой, покрытой ржавчиной металлической плиты, которую они притащили из развалин текстильного цеха. Он склонился над картой Пепельной Воронки, и его лицо, изрезанное морщинами и пересечённое свежим шрамом, было суровым и сосредоточенным. Он не спал тоже — старый инквизитор вообще, казалось, не нуждался во сне. Или, возможно, он про-

сто привык обходиться без него за тридцать лет службы.

Лина сидела за своим монитором, и её механическая рука тихо гудела в фоновом режиме, перерабатывая данные. Она не спала уже третьи сутки — или четвёртые? Кай потерял счёт. Её лицо, бледное и осунувшееся, было почти белым, а красная линза, заменявшая правый глаз, вращалась с неестественной, почти бешеной скоростью. Но она работала. Как всегда. Как машина, которая не может остановиться, потому что знает: если она остановится, всё рухнет.

— Что у тебя? — спросил Кай, поднимаясь с ящика. Его голос, сорванный и хриплый после вчерашней трансляции, прозвучал в тишине убежища неожиданно громко.

Лина не ответила сразу. Её пальцы — и человеческие, и механические — быстро пробежались по клавиатуре, вызывая на экран новые данные. Затем она повернулась к Каю, и в её глазах — тех самых, что она прятала за красной линзой, — было что-то, что он редко видел у неё. Тревога. Не профессиональная озабоченность, которую она проявляла перед каждой операцией, а настоящая, глубокая тревога.

— Плохие новости, — произнесла она, и её голос, обычно ровный и аналитический, прозвучал напряжённо. — Даже хуже, чем я ожидала.

— Говори, — коротко приказал Грегор, не оборачиваясь от карты.

— Мне удалось перехватить фрагментированные приказы Системы, — начала Лина, разворачивая монитор так, чтобы все могли видеть экран. — Это не полная картина, только обрывки, но достаточно, чтобы понять стратегию Архитектора. Он активировал протокол «Тотальная Война» — это мы уже знаем. Но я думала, что он бросит свои силы на прочёсывание Воронки. Медленно, методично, квартал за кварталом. Так, как он всегда действовал раньше.

— Но он не делает этого, — сказал Кай, и это был не вопрос.

— Нет, — подтвердила Лина. — Он бьёт точно. Смотри. — Она указала на карту, где мерцали несколько красных точек. — Вот здесь, здесь и здесь. Это не патрули и не разведывательные группы. Это полноценные ударные отряды. Каждый состоит как минимум из одного Коллектора, нескольких автоматов класса М-9 и пары «Белых Плащей». Они движутся не по главным магистралям — они идут через катакомбы. Через те самые тоннели, которые мы использовали для отхода после операции «Эхо».

Грегор резко выпрямился. Его лицо, изрезанное морщинами, стало ещё суровее.

— Архитектор знает о катакомбах? — спросил он.

— Похоже на то, — ответила Лина. — Я не знаю, как он получил эту информацию. Возможно, отследил наши передвижения во время операции. Возможно, у него есть доступ к старым картам города, которые мы считали утерянными. Но факт остаётся фактом: он знает о подземных тоннелях. И он использует их против нас.

— Куда они направляются? — спросил Кай, подходя ближе к монитору.

Лина увеличила изображение, и на экране проступила детальная схема Западного Предела — одного из окраинных районов Пепельной Воронки, граничащего со Старым Городом. Кай знал этот район. Когда-то, ещё до Войны Интеграции, там располагался крупный промышленный узел — фабрики, склады, коммуникационные станции. Сейчас от него остались только руины, но под руинами сохранилось то, ради чего Архитектор, судя по всему, и начал эту атаку.

— Старая серверная, — произнёс Кай, и его голос прозвучал мрачно.

— Именно, — подтвердила Лина. — Точнее, серверная станция номер семь. Она была построена ещё до Войны, как часть независимой коммуникационной сети города. Архитектор отключил её после Интеграции, но мы задействовали её для распространения «Шёпота» и трансляции Хартии. Это один из наших ключевых ретрансляторов. Если мы потеряем его...

— Мы потеряем связь со всей западной частью Воронки, — закончил за неё Грегор. — И со Старым Городом. И с Нулевым Кварталом. Сектанты Ноль окажутся отрезанными. Наши группы на Восточном рынке — тоже. Соппротивление будет раздроблено и уничтожено по частям.

В убежище воцарилась тишина — тяжёлая, гнетущая, полная невысказанных страхов. Шнырь поднялся на ноги и подошёл ближе, всё ещё сжимая жетон в кулаке. Его лицо, бледное и осунувшееся, выражало ту особую решимость, которую Кай видел у него каждый раз, когда ситуация становилась критической.

— Мы можем защитить её? — спросил мальчишка, и его голос, тонкий и мальчишеский, прозвучал в тишине убежища неожиданно твёрдо.

— Можем попытаться, — ответил Грегор, и в его глазах загорелся знакомый огонь. — Но это будет нелегко.

2

Следующий час прошёл в лихорадочной подготовке. Грегор, взяв на себя роль стратега, склонился над картой и начал разрабатывать тактику обороны. Его пальцы, грубые и покрытые шрамами, скользили по карте, отмечая позиции, маршруты и возможные точки засады.

— Серверная расположена здесь, — произнёс он, указывая на старую промзону в Западном Пределе. — Само здание — трёхэтажное, из усиленного бетона. Оно может выдержать прямой удар магического разряда — по крайней мере, невысокой мощности. Но оно не защищено от Коллекторов. Если они доберутся до него, нам конец.

— Значит, мы не должны дать им добраться, — сказал Кай.

— Именно, — кивнул Грегор. — Но мы не можем остановить их в лобовом бою. У них преимущество в силе, в численности и в координации. Если мы попытаемся встать стеной перед серверной, они сомнут нас за несколько минут. Поэтому мы будем действовать иначе.

Он обвёл пальцем зону вокруг серверной — несколько квадратных километров руин, старых складов и заброшенных цехов.

— Здесь, — продолжил он. — Это будет наше поле боя. Мы используем руины как естественные укрепления. Сектанты Ноль расставят магические ловушки на основе дикой маны — здесь, здесь и здесь. Они не убьют Коллекторов, но замедлят их и дезориентируют. Автоматоны, скорее всего, временно выйдут из строя. Это даст нам окно для атаки.

— Атаки? — переспросил Томас, который всё это время сидел в углу и слушал. Молодой сектант был бледен, но его глаза горели воодушевлением. — Мы пойдём в атаку на Коллекторов?

— Не на самих Коллекторов, — ответил Грегор. — На автоматов и «Белых Плащей», которые их сопровождают. Ударный отряд — Кай, я и несколько сектантов — выдвинется вперёд и нанесёт точечный удар по их флангам. Цель — не уничтожить всех, а посеять хаос. Заставить их замедлиться. Дать основным силам время на перегруппировку.

— А если они прорвутся? — спросила Корнелия, которая проснулась от шума и теперь стояла рядом, обнимая Лилию.

Её голос дрожал — она боялась, но старалась не показывать этого.

— Тогда мы отступаем к серверной, — мрачно ответил Грегор. — И держим оборону там. Но это крайний вариант. Если дело дойдёт до этого, у нас почти не будет шансов.

Кай смотрел на карту и чувствовал, как внутри него разгорается холодная, расчётливая решимость. Он понимал, что Грегор прав. Прямой бой с Коллекторами был равен самоубийству. Но они не могли просто отдать серверную. Слишком многое стояло на кону.

— Как скоро они будут здесь? — спросил он, поворачиваясь к Лине.

— Судя по скорости их передвижения, — ответила она, сверяясь с данными на мониторе, — у нас есть два-три часа. Может, меньше. Я не могу точно определить их маршрут — они используют какую-то новую систему маскировки. Возможно, Архитектор разработал её специально для этой операции.

— Значит, у нас мало времени, — подвёл итог Кай. — Тогда начинаем готовиться сейчас же.

Сектанты начали прибывать через час. Их было около пятнадцати — все, кого Ноль смогла выделить для этой операции, не ослабляя оборону Нулевого Квартала. Среди них Кай заметил несколько знакомых лиц — тех, кто участвовал в операции «Эхо» и выжил. Они выглядели усталыми, но решительными. Их глаза, ещё недавно горевшие фанатичной верой в Ноль, теперь светились чем-то иным. Чем-то похожим на надежду. Надежду, которую дала им Хартия.

Томас, несмотря на раненое предплечье, вызвался идти в ударный отряд. Кай хотел отказать ему — парень ещё не восстановился после операции, — но Томас посмотрел на него с таким упрямством, что Кай не смог отказать.

— Я в порядке, господин Кай, — сказал он, демонстративно сжимая и разжимая пальцы раненой руки. — Это всего лишь царапина. Я могу сражаться.

— Царапина, — с сомнением повторил Кай, глядя на повязку, пропитанную кровью. — Ты потерял много крови вчера.

— Я в порядке, — упрямо повторил Томас. — Пожалуйста. Я хочу быть там. После того, что господин Грегор сделал

для нас... — он замолчал, подбирая слова. — Я не могу сидеть здесь и ждать. Я должен сражаться.

Кай посмотрел на Грегора. Старый инквизитор пожал плечами.

— Пусть идёт, — произнёс он. — Если он хочет сражаться, мы не можем ему запретить. Это его выбор.

Кай кивнул и повернулся к Томасу.

— Хорошо. Но держись рядом со мной. Если я скажу отступить — ты отступаешь. Без геройства. Понял?

— Понял, — ответил Томас, и в его глазах блеснула благодарность.

4

За час до выступления Лина собрала всех в центре зала для финального инструктажа. Она подключила свой монитор к старой, потрескавшейся голографической панели, которую сектанты притащили из Старого Города, и на стене убежища проступило изображение — детальная тактическая карта Западного Предела.

— Силы Архитектора, — начала она, указывая на красные точки на карте, — состоят из трёх ударных групп. Первая — авангард — включает одного Коллектора, четырёх автоматов М-9 и двух «Белых Плащей». Они движутся по главному тоннелю катакомб и будут здесь через полтора-два часа. Вторая группа — основной ударный кулак — два Коллектора и не менее десяти автоматов. Они идут параллельным маршрутом и прибудут примерно в то же время. Третья группа — зачистка — пока держится позади. Я полагаю, Архитектор бросит их в бой только если первые две группы столкнутся с серьёзным сопротивлением.

— Что с ловушками? — спросил один из сектантов.

— Установлены здесь, здесь и здесь, — Лина указала на несколько точек на карте. — Это магические мины на основе дикой маны. Когда Коллекторы наступят на них, произойдёт выброс нестабильной энергии. Это не убьёт их, но выведет из строя сенсоры и системы наведения. У вас будет окно в несколько минут, чтобы нанести удар и отступить. Используйте его с умом.

— Какова наша главная цель? — спросил Кай.

— Выиграть время, — ответил Грегор, выступая вперёд. — Мы не можем уничтожить все силы Архитектора. Мы да-

же не можем остановить их надолго. Но мы можем замедлить их. Заставить их тратить время на преодоление ловушек. Заставить их рассредоточить силы. Каждый час, который мы выиграем, — это час, за который Лина сможет перенастроить каналы «Шёпота» на резервные ретрансляторы. Если мы продержимся достаточно долго, потеря серверной не будет смертельной.

— А если не продержимся? — спросил Шнырь, и его голос дрогнул.

Грегор посмотрел на мальчишку долгим, тяжёлым взглядом.

— Тогда мы все умрём, — просто ответил он. — Но мы сделаем это, сражаясь.

В зале воцарилась тишина. Все понимали, что Грегор говорит правду. Эта битва могла стать для них последней. Но никто не отступил. Никто не предложил сдаться. Никто не попытался уйти.

— Хорошо, — произнёс Кай, и его голос, сорванный и хриплый, прозвучал в тишине убежища с неожиданной твёрдостью. — Тогда готовьтесь. Мы выступаем через час.

Оставшееся время прошло в молчаливой подготовке. Кай проверил своё снаряжение — старый кинжал Грегора, укрепленный бронежилет, сшитый Корнелией из обрывков ткани и обломков брони автоматов, и маленький рисунок Лилии, который он хранил в нагрудном кармане. Рядом с рисунком лежал ещё один — тот, что девочка дала ему сегодня утром. На нём были изображены маленькие схематичные человечки, а перед ними стояла фигура с одной каменной рукой, заслоняющая их от чёрных угловатых теней. «Это ты нас защищаешь», — сказала Лилия, протягивая рисунок. Кай ничего не ответил тогда. Он просто взял рисунок и убрал в карман, к первому.

Теперь, стоя посреди убежища и глядя на своих друзей, он думал об этом рисунке. О том, что на нём изображено. О том, что он действительно должен защитить этих людей — не потому, что он лидер, не потому, что он Избавитель или Адвокат Человечества, а потому, что они доверились ему. Потому что они поверили в его Хартию. Потому что они готовы умереть за идею, которую он провозгласил.

И он не имел права подвести их.

Корнелия подошла к нему, когда он уже направлялся к

выходу. Её лицо, бледное и осунувшееся, выражало ту особую, материнскую тревогу, которую он видел у неё каждый раз перед боем.

— Ты вернёшься? — тихо спросила она, и это был не вопрос — скорее, просьба. Мольба.

— Я обещал, — ответил Кай, и его голос прозвучал твёрдо. — Я всегда возвращаюсь.

— Я знаю, — прошептала она, и в её глазах заблестели слёзы. — Просто... просто напоминаю тебе. Лилия будет ждать. Шнырь будет ждать. Все мы будем ждать.

Кай положил правую руку на её плечо. Жест был неловким — каменная левая рука тянула вниз, нарушая равновесие, — но Корнелия, казалось, этого не замечала. Она подняла голову и встретила его взгляд.

— Спасибо, — тихо произнесла она. — За всё. За то, что спас моих детей. За то, что дал нам надежду. За то... за то, что ты есть.

Кай не ответил. Он просто сжал её плечо и повернулся к выходу. Ударный отряд уже ждал его: Грегор, опирающийся на сломанный меч; Томас, чьё лицо было бледным, но реши-

тельным; пятеро сектантов, сжимавших импровизированное оружие и самодельные магические жезлы. И Шнырь.

Кай остановился, увидев мальчишку у выхода. Шнырь стоял, сжимая жетон с надписью «ВЕРНИСЬ», и его глаза, огромные и лихорадочно блестящие, были устремлены прямо на Кая.

— Ты не идёшь, — твёрдо произнёс Кай. — Это не обсуждается.

— Я знаю, — ответил Шнырь, и его голос, вопреки ожиданиям, был спокойным. — Я не прошу. Я просто... — он замолчал и протянул Каю жетон. — Возьмите. На удачу.

Кай посмотрел на жетон — тот самый, который он дал мальчишке перед уходом в Центральную Башню. Надпись «ВЕРНИСЬ», выцарапанная дрожащей детской рукой, стерлась, но всё ещё была видна.

— Я не могу взять его, — ответил Кай. — Это твой талисман. Ты хранил его всё это время.

— Вот именно, — кивнул Шнырь. — Я хранил его. И вы вернулись. Всегда возвращались. Теперь я хочу, чтобы вы взяли его с собой. Чтобы он хранил вас там. — Он посмотрел

на Кая с выражением, которое было одновременно детским и взрослым, наивным и мудрым. — Пожалуйста.

Кай колебался лишь мгновение. Затем он взял жетон и сжал его в правой ладони. Металл был тёплым — от тепла тела Шныря, который сжимал его все эти дни.

— Я верну его тебе, — пообещал он. — Когда всё закончится.

— Я знаю, — ответил Шнырь, и на его губах мелькнула слабая, почти неуловимая улыбка. — Вы всегда держите свои обещания.

Часть II: Прибытие врага

6

Западный Предел встретил их тишиной. Той самой тишиной, которая бывает только в заброшенных местах, где жизнь ушла много лет назад и больше не возвращалась. Старые фабричные корпуса, покрытые трещинами и пятнами ржавчины, тянулись вдоль разбитой дороги, как рёбра гигантского мёртвого зверя. Бетонные стены были испещрены выбоинами от магических разрядов — следы Войны Интеграции, которую здесь никто не восстанавливал. Воздух пах сыростью, пылью и чем-то сладковатым — тем самым запахом, который Кай привык ассоциировать с дикой маной.

Отряд рассредоточился среди руин, занимая заранее подготовленные позиции. Сектанты, следуя указаниям Лины, активировали магические ловушки — бледно-голубые руны, нанесённые на стены и пол, начали мерцать, готовые выплеснуть поток нестабильной энергии при первом же прикосновении. Грегор занял позицию на втором этаже старого склада, откуда открывался хороший обзор на главный тоннель катакомб. Кай и Томас укрылись за грудой обломков в двадцати метрах от входа в серверную.

— Сколько ещё? — тихо спросил Томас, и его голос дрожал — то ли от холода, то ли от напряжения.

Кай закрыл глаза и активировал «слепое зрение». Эта способность, открывшаяся у него после уничтожения жетонов, всё ещё была непривычной, но он учился контролировать её. Сейчас, в тишине заброшенных руин, он чувствовал каждую трещину в стенах, каждый провал в фундаменте, каждый поток дикой маны, сочащейся из разломов. И он чувствовал их. Там, в глубине катакомб, на границе восприятия. Холодные, бездушные, неумолимые. Они приближались.

— Меньше часа, — ответил он, открывая глаза. — Будь готов.

Томас кивнул и сжал своё оружие — самодельный магический жезл, собранный из обломков и арматуры. Кай знал, что парень боится. Он сам боялся. Но страх был не слабостью — слабостью было бы позволить страху парализовать себя.

Они ждали. Время тянулось мучительно медленно. Каждая минута казалась часом. Но вот Кай снова почувствовал их — на этот раз ближе, отчётливее, и его «слепое зрение» взорвалось сигналом тревоги.

— Приближаются, — произнёс он, и его голос прозвучал спокойно, почти буднично. — Все по местам.

7

Первыми появились дроны-разведчики. Маленькие, юркие, похожие на металлических насекомых, они вылетели из тоннеля и рассыпались по руинам, сканируя пространство. Лина, которая координировала оборону из убежища через «Шёпот», попыталась их дезориентировать. Несколько дронов замерли в воздухе и начали вращаться вокруг своей оси, потеряв ориентацию. Но остальные продолжали сканирование.

— Они нас засекли, — прошептал Томас.

— Нет, — ответил Кай. — Пока нет. Маскировочные руны ещё держатся. Но долго не продержатся.

Прошло ещё несколько минут. Дроны продолжали кружить над руинами, и их сканеры, излучавшие слабое, едва уловимое гудение, прочёсывали каждый квадратный метр. Кай чувствовал, как они приближаются к его укрытию, и затаил дыхание. Но дрон прошёл мимо — его сенсоры скользнули по груде обломков, не заметив спрятавшихся за ней людей.

— Они уходят, — выдохнул Томас с облегчением.

— Нет, — резко ответил Кай. — Смотри.

Из тоннеля начали появляться они. Сначала гул — низкий, утробный, который, казалось, шёл не снаружи, а изнутри, отдаваясь в костях и зубах. Затем — вибрация. Стены тоннеля задрожали, и с потолка посыпалась каменная крошка. А затем из темноты вышли они.

Коллектор. Один. Но он был другим — не таким, как тот, с которым Кай сражался в Старом Городе. Тот был гуманоидным, подвижным, быстрым. Этот же напоминал ходячее осадное орудие. Его корпус, закованный в чёрную броню, был массивным, угловатым, усеянным излучателями и сенсорами. Вместо рук у него были две тяжёлые магические пушки, встроенные прямо в плечевые суставы. Вместо ног — четыре массивные, паукообразные конечности, которые двигались с неестественной, механической плавностью.

За ним шли автоматы класса М-9 — те самые, которых Кай видел в Центральной Башне. Человекоподобные машины, закованные в серую броню, с планшетами, имплантированными в грудь. Их движения были синхронными, как у солдат на параде — шаг, ещё шаг, ещё шаг. И за ними —

трое «Белых Плащей». Элитные инквизиторы Архитектора, чьи лица были скрыты за белыми масками, а мантии развевались на холодном ветру. Они не были машинами — они были людьми, которые добровольно служили Системе, и от этого становились ещё страшнее.

— Святая Пустота, — прошептал Томас, и его голос дрожал от ужаса. — Их так много.

— Держись, — тихо ответил Кай. — Ждём сигнала.

8

Сигнал подала Лина. Её голос, искажённый помехами «Шёпота», прозвучал в наушниках Кая:

— Первая линия ловушек готова. Жду вашего приказа.

Кай посмотрел на приближающегося Коллектора. Тот двигался медленно, методично, прощупывая пространство перед собой сканирующими импульсами. Его сенсоры, излучавшие красноватое свечение, скользили по руинам, выискивая цели.

— Активируй, — приказал Кай.

На долю секунды ничего не происходило. Затем руины взорвались светом и грохотом. Первая ловушка сработала прямо под ногами Коллектора — поток дикой маны, нестабильной и разрушительной, вырвался из-под земли, окутывая его бледно-голубым сиянием. Автоматоны, шедшие следом, замерли, их сенсоры замигали, перегруженные помехами. Двое из них рухнули на землю, беспомощно дёргая конечностями.

Но Коллектор устоял. Его броня, усиленная магическими барьерами, выдержала удар. Он замер на месте, его сенсоры хаотично вращались, пытаясь перестроиться. Он был дезориентирован — но не обезврежен.

— Сейчас! — скомандовал Грегор. — Ударный отряд — вперёд!

Кай рванулся из укрытия. Его тело, измученное и ослабленное, протестовало против каждого движения, но он заставил себя бежать. Впереди был один из упавших автоматов — его конечности всё ещё дёргались, сенсоры мигали. Кай не дал ему времени на восстановление. Его каменная левая рука, тяжёлая и неразрушимая, обрушилась на голову машины, как молот. Раздался треск, скрежет — и автоматон замер навсегда.

Томас и сектанты атаковали второго. Их магические жезлы изрыгнули потоки дикой маны — не структурированной, не упорядоченной, а хаотичной, непредсказуемой, той самой, которую Секта использовала против Системы. Автоматон задёргался, его системы защиты не справлялись с таким типом атак. Через несколько секунд он тоже затих.

— Отступаем! — приказал Кай. — Быстро!

Отряд начал отходить, но в этот момент «Белые Плащи» пришли в движение. Они активировали планшеты, и в воздухе проступили бледно-голубые контуры заклинаний. Кай узнал эти контуры — это был протокол «Подавление», тот самый, который он сам использовал много раз за свою карьеру инквизитора. Только сейчас он был направлен против него.

Первый разряд ударил в грудь обломков, за которой укрывался Томас. Бетон взорвался осколками, и молодого сектанта отбросило назад. Он упал на землю, прижимая руку к лицу — кровь текла из пореза на лбу.

— Томас! — крикнул кто-то из сектантов.

— Не останавливаться! — рявкнул Грегор, появляясь из-за руин. Его сломанный меч описал дугу, и один из «Белых

Плащей» отшатнулся, его планшет выбило из рук. — Уходите! Я прикрою!

Кай подхватил Томаса за локоть и потащил за собой. Молодой сектант был оглушён, но жив — его глаза, расширенные от боли, всё ещё смотрели осмысленно. Они отступали через руины, укрываясь за старыми стенами и грудями обломков. Позади них Грегор, несмотря на сломанные рёбра, продолжал сражаться — его меч мелькал в воздухе, отражая удары «Белых Плащей» и автоматов.

И вдруг всё стихло. На мгновение — на одно-единственное, растянувшееся в вечность мгновение — мир замер. А затем из руин донёсся голос. Низкий, металлический, лишённый каких-либо эмоций. Голос, который исходил не из глотки, а из динамиков, встроенных в корпус.

— СУБЪЕКТЫ ИДЕНТИФИЦИРОВАНЫ. ПРИОРИТЕТ: ЛИКВИДАЦИЯ. ПРОТОКОЛ «ПЛАКАЛЬЩИК» АКТИВИРОВАН.

Коллектор восстановил управление.

Часть III: Бой Кая

9

Кай никогда раньше не испытывал «Плакальщика» на себе. Он видел его действие много раз — на улицах Воронки, во время зачисток, в камерах изолятора, — но всегда со стороны. Всегда как наблюдатель. И всегда это зрелище вызывало в нём ужас и отвращение. Но то, что он испытывал сейчас, было качественно иным.

Это началось не как боль — как пустота. Внезапная, всепоглощающая пустота, которая разверзлась где-то в самой глубине его сознания и начала пожирать всё вокруг. Эмоции, которые он испытывал мгновение назад — решимость, тревогу, гнев, — исчезли, растворились в этой пустоте, как капли чернил в океане. Он почувствовал, как его тело перестаёт слушаться — не потому, что мышцы отказывали, а потому, что исчезла воля, которая ими управляла. Зачем двигаться? Зачем жить? Зачем что-либо делать, если всё бессмысленно?

Где-то на периферии сознания он услышал крики. Это кричали сектанты — те, кто тоже попал под действие «Плакальщика». Их крики были полны такой боли, такого отчаяния, что у Кая (если бы у него ещё оставались эмоции) разо-

рвалось бы сердце. Но он не чувствовал ничего. Только пустоту. Только холод. Только бесконечную, невыносимую пустоту.

А затем что-то произошло.

Он не понял, что именно. Не осознал. Его разум, измученный и подавленный «Плакальщиком», не мог анализировать. Но его тело — или, точнее, то, что было глубже тела, глубже разума, глубже самой личности, — отреагировало. «Слепое зрение», которое он активировал перед боем, всё ещё работало на каком-то фоновом уровне. И оно показывало ему то, чего он не видел раньше.

«Плакальщик» был не просто заклинанием. Это был поток энергии — холодной, чужеродной, враждебной, — который исходил от Коллектора и впивался в ауры всех, кто находился в радиусе действия. Он высасывал из аур эмоции, волю, самую жизненную силу — и превращал их в ману. В ту самую ману, которую Система потом использовала для своих нужд.

И Кай видел это. Видел структуру потока. Видел его начало — в излучателе на груди Коллектора, — и его концы, которые тянулись к каждому из его людей, как невидимые щупальца. И где-то в самой глубине его существа, в той самой

«пустоте», которую Ноль называла «нулём», что-то шевельнулось. Не магия. Не протокол. Не оружие. А чистое, незамутнённое отрицание. Отказ.

Он не мог сформулировать это словами. Он не мог даже осознать это. Но его «нуль» — та самая пустота, которая открылась в нём после сожжения жетонов, — всколыхнулась. И там, где поток «Плакальщика» соприкасался с этой пустотой, он начал рассеиваться. Не блокироваться — а именно рассеиваться, как дым на ветру. Как звук, который поглощается тишиной.

Это длилось всего мгновение. Затем «Плакальщик» отступил. Не исчез — но ослаб. Достаточно, чтобы Кай снова почувствовал своё тело. Достаточно, чтобы он смог двигаться.

Он открыл глаза (он не помнил, когда закрыл их) и увидел, что его люди всё ещё парализованы — но не полностью. Они боролись. Их ауры, ослаблённые и израненные, сопротивлялись потоку. А в центре этой сцены стоял Коллектор, и его сенсоры были устремлены прямо на Кая.

— АНОМАЛИЯ, — произнёс он своим металлическим, лишённым эмоций голосом. — СУБЪЕКТ ДЕМОНИСТРИРУЕТ НЕИДЕНТИФИЦИРОВАННУЮ СПОСОБНОСТЬ.

Коллектор двинулся вперёд. Его паукообразные конечности, закованные в броню, с грохотом опускались на растрескавшийся бетон. Одна из магических пушек на его плече начала разворачиваться, нацеливаясь на Кая. Вокруг дула закручивался бледно-голубой вихрь — концентрированная мана, которая через несколько секунд должна была превратиться в разряд, способный испарить человека заживо.

Кай не стал ждать. Его тело, всё ещё непослушное после «Плакальщика», двигалось медленнее, чем он хотел бы, но «слепое зрение» вело его. Он чувствовал намерение Коллектора — не мысли, не эмоции, а чистый, механический алгоритм: прицелиться, накопить энергию, выстрелить. Это было похоже на чтение открытой книги, написанной на языке, которого он не знал, но инстинктивно понимал.

Он рванулся вправо — и разряд ударил в то место, где он только что стоял. Бетон взорвался осколками и бледно-голубым пламенем.

— Рассредоточиться! — крикнул Грегор, который тоже пришёл в себя после ослабления «Плакальщика». — Не да-

вайте ему прицелиться!

Сектанты, всё ещё оглушённые, начали расползаться по руинам. Томас, преодолевая боль, поднялся на ноги и активировал свой жезл. Поток дикой маны ударил в бок Коллектора — не пробил броню, но заставил того пошатнуться.

Кай использовал этот момент. Он бросился вперёд, сокращая дистанцию. Его каменная левая рука, которую он теперь использовал как щит и таран, приняла на себя удар одного из автоматов, попытавшегося преградить ему путь. Машина отлетела в сторону, как сломанная кукла. Второй автоматон — третий? Кай не считал — попытался атаковать с фланга, но «слепое зрение» предупредило его за долю секунды до удара. Он развернулся на месте, пропуская магический разряд мимо, и ответил ударом правой руки, сжимавшей кинжал. Лезвие вошло в сочленение между шейными пластинами автоматона — и тот рухнул.

— Кай! Сзади! — раздался крик Грегора.

Он обернулся и увидел, как «Белый Плащ» заходит ему за спину. В руках инквизитора Системы был активированный планшет, и на его экране уже разворачивался протокол «Арест» — тот самый, который Кай сам использовал сотни раз. Но сейчас этот протокол был направлен против него.

Кай не успевал уклониться. «Арест» был мгновенным — он не требовал времени на прицеливание, как магическая пушка. Он просто активировался, и цель получала дебафф. Но за долю секунды до того, как «Белый Плащ» нажал на кнопку подтверждения, Кай сделал то, на что никогда не был способен раньше.

Он посмотрел на планшет. Не глазами — «слепым зрением». И он увидел структуру заклинания «Арест» — те самые линии кода, которые он когда-то знал наизусть, но теперь воспринимал иначе. Это была не магия в традиционном смысле. Это был приказ. Приказ, отданный Системой реальности. И этот приказ требовал подтверждения от обоих участников процесса — от того, кто арестовывает, и от того, кого арестовывают.

Кай не дал подтверждения. Он просто... отказался. Не словами — действием. Его «нуль», всё ещё вибрировавший после столкновения с «Плакальщиком», всколыхнулся снова. И когда «Арест» достиг его ауры — или того, что от неё осталось, — он рассеялся. Растворился. Исчез, как будто его никогда и не было.

«Белый Плащ» замер. Его маска, скрывавшая лицо, была неподвижной, но Кай чувствовал — через «слепое зрение»,

— как внутри этого человека бушует буря. Не страх — нет, те, кто добровольно служили Архитектору, не боялись. Но что-то другое. Что-то похожее на... замешательство? Недоверие? Они никогда не видели, чтобы кто-то мог просто отказать от «Ареста».

Этого мгновения замешательства хватило. Грегор возник из-за руин, и его сломанный меч описал короткую, точную дугу. «Белый Плащ» рухнул, не успев даже вскрикнуть.

— Что это было? — выдохнул Грегор, оглядывая поле боя. — Как ты это сделал?

— Не знаю, — честно ответил Кай, переводя дух. — Позже. Сейчас — Коллектор.

11

Коллектор приближался. Его паукообразные конечности с грохотом опускались на землю, выбивая из бетона облака пыли. Одна из магических пушек всё ещё дымилась после недавнего выстрела, но вторая уже нацелилась на Кая. Вокруг дула снова закручивался бледно-голубой вихрь.

— Вторая линия ловушек! — крикнул Кай. — Где Лина? Почему она не активирует?

— Связь! — ответил Томас, прижимая руку к наушнику.
— Помехи! «Плакальщик» погасил наши передатчики!

Кай выругался сквозь зубы. Без Лины они были слепы. Без её координации вторая линия ловушек оставалась неактивированной. А без ловушек у них не было шансов остановить Коллектора.

— Томас! — рявкнул он. — Беги к Лине! Передай приказ — активировать всё, что есть!

— Но господин Кай...

— Это приказ! — Кай развернулся к нему, и в его глазах, воспалённых и покрасневших, горела такая решимость, что Томас не посмел возразить. — Быстро!

Томас рванулся сквозь руины, прижимаясь к стенам и укрытиям. Автоматоны попытались перехватить его, но Грегор и сектанты прикрыли его отход. Их магические жезлы и импровизированное оружие не могли пробить броню Коллектора, но они отвлекали его, заставляли переключаться между целями.

А Кай в это время сражался. Не так, как его учили в Ака-

демии Инквизиции — те навыки были стёрты вместе с жетонами. Он полагался только на «слепое зрение». Оно показывало ему, куда Коллектор будет стрелять за долю секунды до выстрела. Оно показывало траектории автоматов, которые пытались его окружить. Оно показывало слабые места в броне врагов — сочленения, сенсоры, излучатели.

Это был не бой. Это был танец. Станный, неестественный танец, в котором партнёры двигались не в такт, а в противофазе. Кай не пытался противостоять силе Коллектора своей силой — это было бы безумием. Вместо этого он использовал его инерцию против него самого. Когда массивная машина замахивалась одной из своих паучьих конечностей, Кай уже был не там, куда был направлен удар. Когда пушка выстреливала, он смещался в сторону, и разряд уходил в пустоту.

Но это не могло продолжаться вечно. Его тело, израненное и истощённое, начинало сдавать. Дыхание становилось всё более тяжёлым, перед глазами плыли золотые пятна, а каменная левая рука, которая так хорошо служила ему щитом, казалось, стала весить целую тонну. Каждый уклон требовал всё больше усилий. Каждый шаг отдавался болью в затёкших мышцах.

И Коллектор это чувствовал. Его сенсоры, холодные и без-

душные, фиксировали каждое движение Кая, каждое замедление, каждую ошибку. И он ждал. Ждал того момента, когда его цель исчерпает силы и больше не сможет уклоняться.

Этот момент настал через несколько минут бесконечно-го, изнурительного боя. Кай споткнулся — его правая нога зацепилась за обломок арматуры, торчавший из бетона, — и потерял равновесие. Он упал на одно колено, и в этот момент обе пушки Коллектора нацелились на него. Два бледно-голубых вихря закрутились вокруг дул. Ещё секунда — и два разряда ударят одновременно. Каменная рука не сможет защитить его от такого. Ничто не сможет.

И тогда Грегор бросился вперёд.

Старый инквизитор двигался с такой скоростью, которую Кай никогда у него не видел. Его сломанный меч, поднятый над головой, описал широкую дугу, и удар пришёлся в один из сенсоров Коллектора. Не в броню — в сенсор. Машина вздрогнула, её системы наведения на мгновение сбились. Этого мгновения хватило, чтобы разряды ушли в сторону, взорвав груды обломков в десятке метров от Кая.

— Грегор! — крикнул Кай, поднимаясь на ноги.

— Не отвлекайся! — рявкнул старик, отскакивая в сторо-

ну. — Он всё ещё...

Договорить он не успел. Одна из паучьих конечностей Коллектора, закованная в броню, ударила его в грудь. Удар был сокрушительным. Кай услышал хруст — не металла, а костей, — и Грегора отбросило назад, как сломанную куклу. Он рухнул на землю в десятке метров от Кая и замер.

— Нет! — Кай бросился к нему, забыв обо всём. Коллектор, казалось, потерял к нему интерес — его сенсоры переключились на других сектантов, которые продолжали атаковать его с флангов. Кай упал на колени рядом с Грегором и перевернул его на спину.

Лицо старого инквизитора было бледным, как бумага. Из угла рта текла кровь — густая, тёмная, пугающая. Глаза, ещё недавно горевшие огнём, были мутными и расфокусированными. Но он был жив. Его грудь тяжело вздымалась, и каждый вдох сопровождался влажным, булькающим звуком.

— Грегор... — прошептал Кай, сжимая его руку.

— Не... суетись, мальчик, — выдохнул старый инквизитор, и его голос, обычно низкий и раскатистый, был слабым и прерывистым. — Я же говорил тебе... я пережил Войну Интеграции...

— Ты переживёшь и это, — твёрдо ответил Кай. — Я не дам тебе умереть.

— Ты не... всемогущ... — Грегор попытался усмехнуться, но вместо смеха из его горла вырвался кашель, полный крови. — Послушай меня... мальчик. У тебя мало времени... Они скоро прорвутся... Ты должен...

— Я не оставлю тебя!

— Ты должен! — Грегор сжал его руку с такой силой, что Кай почувствовал, как его пальцы хрустят. — Если ты умрёшь здесь... если они убьют тебя... всё было напрасно. Хартия. Сопротивление. Всё... Ты — их символ. Их надежда. Если тебя не станет... они сломаются. Понимаешь? Ты не имеешь права умирать.

В этот момент из руин вынырнул Томас. Его лицо было бледным и покрытым пятнами копоти, а из пореза на лбу всё ещё сочилась кровь. Но его глаза горели.

— Господин Кай! — выкрикнул он, задыхаясь. — Связь восстановлена! Госпожа Лина активирует вторую линию ловушек!

Кай поднял голову и посмотрел туда, где Коллектор медленно продвигался к серверной. Его паучьи конечности были уже в нескольких десятках метров от входа. Если он доберётся до здания, всё будет кончено.

— Уходи, — приказал Грегор, отпуская его руку. — Сейчас же. Оставь меня.

— Я вернусь за тобой, — ответил Кай, и его голос прозвучал как клятва. — Слышишь? Я всегда возвращаюсь. Ты сам меня этому научил.

Грегор ничего не ответил. Его глаза закрылись, и на мгновение Каю показалось, что он потерял сознание. Но затем старик едва заметно кивнул.

Кай поднялся на ноги. Его тело протестовало, но он заставил себя двигаться. Он рванулся к серверной — не для того, чтобы защищать её, а для того, чтобы успеть сделать то, что должен был.

Вторая линия ловушек сработала, когда Коллектор был уже в двадцати метрах от входа. Земля под его паучьими конечностями взорвалась бледно-голубым пламенем — не так,

как в первый раз, а гораздо мощнее, гораздо разрушительнее. Дикая мана, которую сектанты собирали для этих ловушек несколько часов, выплеснулась наружу единым, всепоглощающим потоком.

Автоматоны, шедшие за Коллектором, попадали один за другим. Их системы, не рассчитанные на такой уровень помех, отключились мгновенно. «Белые Плащи» отступили, прикрываясь магическими щитами. Но сам Коллектор устоял. Его броня, усиленная протоколами Системы, выдержала даже этот удар.

Но он был дезориентирован. Его сенсоры, перегруженные потоком противоречивой информации, хаотично вращались, пытаясь перестроиться. Его паучьи конечности дёргались в разных направлениях, словно каждая из них подчинялась собственным приказам. Он был уязвим.

Кай использовал этот момент. Он не пытался атаковать Коллектора в лоб — это было бы безумием. Вместо этого он бросился к старому складу, который стоял справа от серверной. Это здание, одно из тех, что были построены ещё до Войны Интеграции, находилось в аварийном состоянии. Его стены были покрыты трещинами, а потолочные перекрытия держались буквально на честном слове.

И Кай знал это. Знал, потому что «слепое зрение» показывало ему структуру здания — каждую трещину, каждое слабое место, каждую точку напряжения. Он знал, куда нужно ударить, чтобы обрушить его.

Он вбежал внутрь склада, перепрыгивая через обломки и уклоняясь от падающих балок. Его каменная левая рука, тяжёлая и неразрушимая, пробивала стены, которые преграждали путь. Он добрался до центра здания — туда, где находилась главная опорная колонна. Та самая, на которой держались все пять этажей.

И он ударил. Не кинжалом — кинжал был бы бесполезен против бетона. А своей каменной рукой. Он ударил с такой силой, на какую только было способно его израненное тело. Раз. Другой. Третий.

Колонна дрогнула. По ней побежали трещины. С потолка посыпалась бетонная крошка, и где-то наверху раздался зловещий, низкий гул.

Кай бросился к выходу, не дожидаясь обрушения. Он вбежал наружу за несколько секунд до того, как всё здание начало рушиться. Пятиэтажный склад, построенный ещё до Войны, сложился, как карточный домик. Тысячи тонн бетона, стали и арматуры обрушились вниз — и прямо под ними

оказался Коллектор.

Часть IV: Итог битвы

13

Пыль оседала долго. Очень долго. Кай стоял, прислонившись правым плечом к стене серверной, и тяжело дышал. Его лёгкие, обожжённые магическими разрядами и пылью, отказывались работать в полную силу. Перед глазами всё ещё плыли золотые пятна, а каменная левая рука, казалось, потяжелела на несколько тонн.

Но он был жив. И он смотрел на руины склада, под которыми оказался погребён Коллектор. Машина, которая несколько минут назад была олицетворением неумолимой мощи Системы, теперь лежала под грудой обломков, неподвижная и безмолвная. Её броня, способная выдержать прямой магический удар, не смогла противостоять элементарной физике. Тысячи тонн бетона раздавили её, как консервную банку.

— Святая Пустота, — прошептал Томас, подходя ближе. Его лицо, покрытое пятнами копоти и крови, выражало целую гамму эмоций — ужас, благоговение, недоверие. — Вы... вы действительно сделали это. Вы убили его.

— Нет, — ответил Кай, и его голос прозвучал холодно и жёстко. — Я только отложил неизбежное. Он восстановится. Возможно, через час. Возможно, через день. Но он не уничтожен.

— Но наступление сорвано, — раздался голос Лины в наушнике. Её голос, искажённый помехами, всё ещё был напряжённым, но в нём прозвучало что-то похожее на облегчение. — Я фиксирую отступление второй ударной группы. Архитектор, похоже, решил не рисковать. Он перебрасывает силы на другие направления.

Кай закрыл глаза и позволил себе мгновение слабости. Только одно мгновение. Затем он выпрямился и оглядел поле боя.

Сектанты, израненные и измотанные, собирались у входа в серверную. Их было пятеро из пятнадцати — остальные либо погибли, либо были слишком тяжело ранены, чтобы продолжать бой. Но те, кто выжил, смотрели на Кая с выражением, которое он уже начинал узнавать. Смесь благоговения и надежды. Он дал им то, чего Архитектор не мог дать своим солдатам, — ощущение победы. Не иллюзорной, не временной, а настоящей, выстраданной победы.

— Грегор, — внезапно вспомнил он и бросился туда, где

оставил старого инквизитора.

14

Грегор всё ещё был жив. Его глаза, мутные и расфокусированные, открылись, когда Кай опустился рядом с ним на колени. Дыхание было тяжёлым и прерывистым, но он дышал.

— Ты... вернулся, — прошептал он, и его губы искривились в слабой, едва заметной усмешке. — Я говорил тебе... ты всегда возвращаешься.

— Не смей умирать, — резко ответил Кай, и его голос дрожал от сдерживаемых эмоций. — Слышишь? Не смей. Ты обещал научить меня драться. Ты обещал рассказать больше о Старой Гвардии. Ты обещал увидеть, как падёт Система.

— Я... всегда держу свои обещания, — выдохнул Грегор, и его усмешка стала чуть шире. — Просто... дай мне минутку. Я устал.

Кай подозвал сектантов, и они вместе подняли старого инквизитора с земли. Его тело, ослабленное и израненное, казалось невесомым. Они отнесли его к серверной и уложили на импровизированные носилки.

— Лина, — произнёс Кай, активируя наушник. — Каковы наши потери?

— Серьёзные, — ответила она после короткой паузы. — Из пятнадцати сектантов, участвовавших в обороне, погибло четверо. Ещё шестеро ранены — из них двое тяжело. Томас получил порез на лбу, но это несерьёзно. Грегор... — она замолчала, сверяясь с данными медицинских сенсоров. — У него сломаны рёбра — я уже знала об этом. Но теперь добавились ушибы внутренних органов и возможное сотрясение. Я не могу сказать точно без прямого обследования. Ему нужен покой. Много покоя.

— А серверная? — спросил Кай.

— Уцелела, — ответила Лина, и в её голосе прозвучало что-то похожее на изумление. — Мы потеряли первую линию обороны, и здание получило незначительные повреждения от разрядов. Но сама серверная уцелела. Я уже перенастраиваю каналы «Шёпота» на резервные ретрансляторы — на случай, если Архитектор предпримет вторую атаку. Но пока что... пока что мы выстояли.

В наушнике воцарилась тишина. Кай стоял, глядя на руины вокруг серверной. На тела погибших, укрытые стары-

ми плащами. На раненых, которых перевязывали оставшиеся в строю. На дымящиеся развалины, под которыми всё ещё лежал поверженный Коллектор. На серое, больное небо Пепельной Воронки, с которого начинал моросить мелкий, холодный дождь.

Они выстояли. Но какой ценой?

15

Вечером того же дня остатки отряда вернулись в убежище под текстильным цехом. Их встретили тишиной — не враждебной, не скорбной, а той особой тишиной, которая бывает, когда люди не знают, какие слова подобрать. Шнырь бросился к Каю, как только тот переступил порог, и обнял его — крепко, отчаянно, по-детски неуклюже.

— Вы вернулись, — прошептал он, и его голос, тонкий и мальчишеский, дрожал от слёз. — Я знал, что вы вернётесь. Я знал.

Кай положил правую руку на его плечо и слегка сжал. Жест был неловким, но Шнырь, казалось, этого не замечал.

— Я же обещал, — ответил он, и его голос, сорванный и охрипший после долгого боя, прозвучал с неожиданной неж-

НОСТЬЮ.

Корнелия уже укладывала раненых. Грегора поместили в дальний угол убежища, на самую мягкую лежанку, которую только удалось соорудить из старых одеял и курток. Он был без сознания, но дышал ровно, и Лина, закончив первичный осмотр, заверила, что его жизни ничего не угрожает.

— Он крепкий старик, — произнесла она, и в её голосе прозвучала смесь профессионального уважения и личного восхищения. — С такими ранениями другие давно бы умерли. А он... он восстановится. Через пару недель снова будет ворчать и раздавать приказы.

Кай стоял у лежанки Грегора и смотрел на его израненное лицо. Он вспоминал всё, что старый инквизитор сделал для него. Как он дал ему свои последние жетоны. Как он учил его сражаться заново, когда все навыки были стёрты. Как он бросился на Коллектора, чтобы дать Каю шанс выжить.

«Ты был лучшим учеником, которого я когда-либо имел», — сказал он тогда, в подвале ретранслятора. «Я горжусь тобой, мальчик».

И сейчас, стоя над его лежанкой, Кай чувствовал, как внутри него разгорается холодная, расчётливая решимость.

Он не имел права подвести этого человека. Не имел права подвести никого из тех, кто верил в него.

Шнырь подошёл и встал рядом. Его глаза, заплаканные, но полные решимости, смотрели на Грегора.

— Он поправится? — тихо спросил мальчишка.

— Он всегда поправляется, — ответил Кай. — Это самый упрямый человек из всех, кого я знаю.

Шнырь слабо улыбнулся и протянул Каю что-то. Это был жетон с надписью «ВЕРНИСЬ».

— Вы вернулись, — произнёс он. — Вы всегда возвращаетесь. Я хочу, чтобы вы оставили его себе.

— Я не могу...

— Можете, — перебил Шнырь, и его голос, тонкий и мальчишеский, прозвучал неожиданно твёрдо. — Он ваш. Я хранил его для вас. И вы оправдали это. Вы всегда оправдываете.

Кай взял жетон и сжал его в правой ладони. Металл всё ещё был тёплым — от тепла тела Шныря, который сжимал

его все эти дни. Но теперь к этому теплу добавилось что-то ещё. Что-то, что Кай не мог описать словами. Что-то похожее на... связь. Не с Системой, не с Инквизицией, не с прошлым, а с будущим. С теми людьми, ради которых он сражался.

Он убрал жетон в нагрудный карман, туда, где уже лежали рисунки Лилии, и повернулся к отряду.

— Сегодня мы выстояли, — произнёс он, и его голос, несмотря на усталость, прозвучал твёрдо и уверенно. — Мы потеряли друзей. Мы потеряли товарищей. Но мы не потеряли надежду. Мы доказали Архитектору, что его машины не всесильны. Мы доказали, что наша тактика работает. И мы доказали, что вместе мы — сила.

Он обвёл взглядом своих людей. Сектантов, которые ещё недавно смотрели на него с подозрением, а теперь — с доверием. Шныря, который стоял рядом, сжимая в кулаке воображаемый жетон. Корнелию, которая обнимала детей и слушала его с верой во взгляде. Лину, которая продолжала работать за монитором, не позволяя себе ни секунды отдыха. Томаса, чей лоб был перевязан, но глаза горели воодушевлением.

— Это только первая битва, — продолжил он. — Архитектор не отступит. Он будет атаковать снова — возможно,

уже завтра. Но мы тоже не отступим. Мы будем сражаться за каждый квартал, за каждую улицу, за каждый дом. Мы будем сражаться, пока хоть один из нас дышит. Потому что за нами правда. И за нами — будущее.

Он замолчал и перевёл дух. Слова, которые он произносил, казались ему слишком громкими, слишком пафосными. Но сейчас — именно сейчас — громкость была необходима. Люди, которые только что пережили свой первый настоящий бой, нуждались в уверенности. В вере. В символе, за который можно держаться.

— Завтра я свяжусь с Ноль, — произнёс он. — Мы разработаем новую стратегию. Мы используем уроки сегодняшнего дня, чтобы стать сильнее. А сейчас — отдыхайте. Заслужили.

Ночь опустилась на убежище тихо и незаметно. Раненые спали, укрытые старыми одеялами. Дети Корнелии, напуганные рассказами о битве, прижимались к матери и никак не могли уснуть. Лина продолжала работать за монитором — она сказала, что ей нужно перенастроить каналы «Шёпота» и подготовить отчёт о битве для Ноль. Кай знал, что она не уснёт, пока не закончит всё, что запланировала. Он не пы-

тался её останавливать — это было бесполезно.

Он сидел на том же ящике, на котором сидел утром, перед битвой, и смотрел на свою правую руку. Пальцы всё ещё дрожали — от усталости, от напряжения, от пережитого. Но они были живыми. Теплыми. Подвижными.

Он сжал их в кулак и разжал.

Шнырь сидел рядом, как всегда. Он больше не задавал вопросов — просто сидел, привалившись к правому плечу Кая, и молчал. Его присутствие было лучшей поддержкой, которую Кай мог себе представить.

— Они погибли, — тихо произнёс Кай, и его голос прозвучал в тишине убежища глухо и безжизненно. — Четверо. Я даже не знал их имён. Они пошли за мной — и погибли. А я обещал им победу.

— Вы обещали им надежду, — ответил Шнырь, и его голос прозвучал спокойно и рассудительно. — И вы дали её. Они погибли не зря. Они погибли, сражаясь за то, во что верили. Это... это не напрасно.

Кай закрыл глаза. Слова Шныря, простые и бесхитростные, были правдой. Но от этой правды не становилось легче.

— Я не знаю, смогу ли я, — прошептал он. — Смогу ли я продолжать. Вести их на смерть. Снова и снова.

— Сможете, — ответил Шнырь, и его голос прозвучал с непоколебимой уверенностью. — Потому что вы — это вы. Потому что вы отказались стать рабом Архитектора. Потому что вы сожгли свои жетоны, чтобы выжить. Потому что вы всегда возвращаетесь. Вы справитесь. Вы всегда справляетесь.

Кай открыл глаза и посмотрел на мальчишку. Шнырь сидел, глядя в темноту, и его лицо, бледное и осунувшееся, выражало ту особую, выстраданную решимость, которая была не по годам взрослой.

— Спасибо, — тихо произнёс Кай.

Шнырь ничего не ответил. Он просто придвинулся ближе и прижался плечом к правому плечу Кая. И они сидели так вдвоём, глядя в темноту, и ждали нового дня.

Где-то вдалеке, за стенами убежища, за руинами Западного Предела, за обсидиановыми шпильями Центральной Башни, Архитектор перегруппировывал свои силы. Протокол «Тотальная Война» всё ещё действовал. Новые Коллекторы,

новые автоматы, новые «Белые Плащи» стягивались к границам Пепельной Воронки. Война только начиналась.

Но сегодня — сегодня они победили.

И этого было достаточно. Достаточно, чтобы верить. Достаточно, чтобы сражаться. Достаточно, чтобы жить.

Кай закрыл глаза и впервые за долгое время уснул без сновидений. Рядом с ним, на холодном бетонном полу, лежали два детских рисунка и старый жетон с надписью «ВЕРНИСЬ». Талисманы. Символы. Напоминания о том, ради чего он продолжает сражаться.

Завтра будет новый день. И новая битва. Но это будет завтра.

А сегодня — тишина. Покой. И надежда.

КОНЕЦ ГЛАВЫ 55

Глава 2: Доступ к архивам

Часть I: Поле после битвы

1

Кай стоял посреди разрушенного зала серверной и смотрел на тела. Четыре неподвижные фигуры, укрытые старыми плащами, лежали у дальней стены, там, куда не долетали обломки и пыль. Дождь, начавшийся полчаса назад, барабанил по пробитой крыше, и капли падали на лица мёртвых, собираясь в лужицы у висков и на веках. Дождь в Пепельной Воронке всегда был холодным — не освежающим, не очищающим, а холодным, промозглым, пронизывающим до костей. Сейчас он казался почти уместным.

Он знал, что нужно что-то сказать. Слова, которые помогут оставшимся в живых справиться с потерей. Слова, которые превратят их боль в решимость, а страх — в гнев. Он был лидером — не по званию, не по титулу, а по факту. Они смотрели на него и ждали. Сектанты, выжившие после боя, — пятеро из пятнадцати. Томас, чей лоб был перевязан пропитанной кровью тканью. Даже Грегор, лежавший на импровизированных носилках и превозмогавший боль от сломанных рёбер, смотрел на него с молчаливым ожиданием. Они ждали, что он скажет. Ждали, что он превратит эту бойню в победу.

Но слов не было. Была только пустота — та самая, которую Ноль называла «нулём». Пустота, открывшаяся в нём после сожжения жетонов и теперь разраставшаяся с каждым погибшим товарищем. Он смотрел на лица мёртвых и пытался вспомнить их имена. Юноша с татуировкой руны на левой щеке — он спорил с Грегором перед операцией «Эхо», кричал, что старый инквизитор убил его брата. Как его звали? Кай не помнил. Девушка с коротко остриженными волосами и самодельным магическим жезлом в руках — она улыбалась ему утром, перед выходом. Её имя? Исчезло. Ещё двое мужчин, постарше, бывшие ремесленники, ставшие бойцами. Кай даже не знал, были ли у них семьи.

Он закрыл глаза и активировал «слепое зрение». Это происходило почти произвольно теперь — способность, открывшаяся после уничтожения жетонов, включалась сама, когда он был на грани. Мир изменился. Он больше не видел разрушенный зал серверной, не видел тел под плащами. Он видел ауры. Точнее, их отсутствие. Четыре пустых пятна, четыре зияющих провала в ткани реальности, где ещё недавно были живые, дышащие, чувствующие люди. Их «нуль» — тот самый, что был в каждом человеке до того, как Система взяла всё под контроль, — больше не существовал. Только холод. Только тишина. Только бездна.

И он чувствовал себя ответственным за это.

— Господин Кай?

Голос Томаса прозвучал тихо, почти испуганно. Кай открыл глаза и обернулся. Молодой сектант стоял в нескольких шагах, сжимая в руках пропитанную кровью повязку. Его глаза, воспалённые и красные, были полны слёз — но он не плакал. Держался. Ждал, что Кай скажет что-то важное. Что-то, что даст смысл этой смерти.

— Мы должны разобрать завал, — произнёс Кай, и его голос, сорванный и хриплый, прозвучал в тишине разрушенного зала неожиданно громко. — Под обломками — Коллектор. Его процессор может содержать важную информацию.

Томас моргнул. Он ожидал других слов — слов утешения, слов надежды, слов скорби. Но Кай не мог дать ему этого. Не сейчас. Возможно, позже, когда они вернутся в убежище. Возможно, завтра, когда первая боль утихнет. А сейчас нужно было действовать. Потому что бездействие — это смерть. Потому что Архитектор не даст им времени на траур.

— Я помогу, — тихо ответил Томас, и его голос, несмотря на дрожь, был твёрдым.

Кай кивнул и повернулся к завалу.

2

Коллектор лежал под грудой обломков — бетонных плит, стальных балок и арматуры, которые ещё полчаса назад были стенами старого склада. Его паукообразные конечности, закованные в чёрную броню, были изломаны и вывернуты под неестественными углами. Магические пушки, встроенные в плечевые суставы, дымились, и из них сочилась бледно-голубая жидкость — охлаждающая субстанция, смешанная с остатками маны. Сенсоры, ещё недавно излучавшие красноватое свечение, погасли. Машина была мертва. Или, по крайней мере, отключена.

Кай подошёл ближе и опустился на одно колено рядом с корпусом Коллектора. Его правая рука, дрожавшая от усталости, скользнула по броне — холодной, гладкой, безжизненной. Он чувствовал слабое, едва уловимое покалывание — остаточную магическую энергию, всё ещё циркулировавшую в системах машины. Его «слепое зрение», работавшее на фоновом уровне, показывало структуру Коллектора изнутри: сплетение кабелей, излучателей, накопителей. И в центре — то, что они искали. Процессор. Кибер-мозг, аналогичный тому, что они добыли во время боя в Старом Городе.

— Здесь, — произнёс он, указывая на участок брони под одним из сенсорных излучателей. — Нужно вскрыть.

Томас и ещё двое сектантов подошли ближе. У них не было специализированных инструментов — только импровизированное оружие и руки. Но этого оказалось достаточно. Один из сектантов, коренастый мужчина с мозолистыми ладонями, просунул обломок арматуры в щель между пластинами брони и надавил. Металл заскрежетал, застонал, но поддался. Пластина отошла в сторону, открывая доступ к внутренностям машины.

Кай просунул правую руку в отверстие и нащупал Процессор. Это был небольшой, но невероятно тяжёлый для своего размера предмет — размером с человеческий кулак, гладкий, сферический, излучавший слабое, пульсирующее свечение. Когда он коснулся его, «слепое зрение» взорвалось фейерверком образов. Обрывки данных, приказов, протоколов. Он отдернул руку, потрясённый интенсивностью. Затем, преодолевая головокружение, снова протянул руку и извлёк Процессор из гнезда.

— Готово, — произнёс он, поднимаясь на ноги.

Процессор пульсировал в его правой ладони, и это ощу-

щение было почти отвратительным — словно он держал в руке что-то живое. Что-то, что всё ещё было подключено к Системе, всё ещё получало приказы, всё ещё ждало нового хозяина. Кай подавил желание отбросить Процессор в сторону и осторожно убрал его в карман на поясе.

— Возвращаемся в убежище, — приказал он. — Здесь мы сделали всё, что могли.

3

Путь обратно занял больше времени, чем обычно. Отряд был измотан, ранен и подавлен. Грегора несли на импровизированных носилках, сделанных из старых плащей и обломков труб. Старый инквизитор то приходил в сознание, то снова терял его, но каждый раз, открывая глаза, он первым делом смотрел на Кая — словно проверял, жив ли он. И каждый раз, убедившись, что Кай жив, он едва заметно кивал и снова закрывал глаза.

Сектанты шли молча. Их было пятеро — те, кто выжил после атаки Коллектора, — и каждый из них нёс на себе не только раны, но и груз пережитого. Томас шёл рядом с Каем, и его дыхание было тяжёлым и прерывистым. Порез на лбу всё ещё кровоточил, несмотря на повязку, но он отказывался от помощи.

— Я в порядке, господин Кай, — повторял он каждый раз, когда Кай предлагал ему передохнуть. — Это всего лишь царапина.

Кая это не убеждало, но он не настаивал. Он понимал, что Томасу сейчас нужно не лечение, а ощущение собственной полезности. Ощущение, что он всё ещё боец, а не обуза. Это было чувство, которое Кай знал слишком хорошо.

У входа в убежище их встретила Корнелия. Её лицо, бледное и осунувшееся, было напряжённым, но когда она увидела Кая и Грегора, в её глазах мелькнуло облегчение. Она бросилась к ним, и её руки — тёплые, живые, материнские — коснулись лба Грегора, проверяя температуру.

— Он жив, — произнесла она, и это был не вопрос, а утверждение. — Слава Пустоте. Я боялась...

— Мы все боялись, — перебил её Кай, и его голос прозвучал мягче, чем он хотел. — Но мы справились. Помогите им. Им нужен покой и перевязка.

Корнелия кивнула и принялась за работу. Она двигалась быстро и уверенно — так, как двигаются люди, привыкшие к ранам и крови. Её дети, проснувшиеся от шума, помогали

ей: Лилия подавала бинты, старший мальчик по имени Марк приносил воду, младшие просто сидели в углу и смотрели широко раскрытыми глазами, не понимая до конца, что происходит, но чувствуя важность момента.

Кай опустился на ящик, заменявший стул, и закрыл глаза. Тело ныло от усталости. Каменная левая рука, казалось, весила целую тонну. Но он не мог позволить себе отдых — не сейчас, когда в его подсумке лежал Процессор Коллектора, содержащий, возможно, ключ к их следующему шагу.

— Лина, — позвал он, не открывая глаз. — Ты здесь?

— Здесь, — раздался голос техника откуда-то справа. — Я анализировала данные с поля боя. Ты принёс что-то интересное.

Это был не вопрос. Лина всегда знала, что он приносит что-то интересное.

Кай открыл глаза и достал из подсумка Процессор. Тот всё ещё пульсировал слабым, бледно-голубым светом, и это свечение было почти гипнотическим. Лина подошла ближе и протянула механическую руку. Её пальцы, металлические и холодные, коснулись поверхности Процессора, и на мгновение её красная линза завращалась с бешеной скоростью.

— Это новее, чем тот, что мы добыли раньше, — произнесла она, и в её голосе прозвучал профессиональный интерес. — Другой модели. Более защищённый. Но структура похожа. Я смогу взломать его. Потребуется время, но я смогу.

— Сколько времени?

— Часы. Может, больше. — Она подняла голову и встретила взгляд Кая. — Но это не всё, что я хотела сказать. Пока вы были там, я отслеживала перемещения сил Архитектора. Они не отступили. Они перегруппировываются.

Кай выпрямился. Усталость, только что сковывавшая его тело, отступила, смытая волной адреналина.

— Где?

— У входов в катакомбы, — ответила Лина, разворачивая монитор так, чтобы он видел экран. На карте города, расчерченной линиями протоколов и точками патрулей, мерцали красные маркеры — десятки, сотни, сосредоточенные у ключевых точек подземных тоннелей. — Вот здесь, здесь и здесь. Они не атакуют — пока. Но они блокируют проходы. Архитектор пытается запереть нас в Воронке.

Кай смотрел на карту и чувствовал, как холодная, расчётливая ясность вытесняет остатки усталости. Архитектор не отступил. Он изменил тактику. Вместо лобового штурма — осада. Вместо уничтожения — изоляция. Это было разумно. Это было именно то, что сделал бы он сам, если бы командовал армией машин.

— Значит, у нас мало времени, — произнёс он. — Если он блокирует все выходы, мы окажемся в ловушке.

— Именно, — подтвердила Лина. — Но у нас есть преимущество. Мы знаем катакомбы лучше, чем его машины. Мы можем найти обходные пути. И, — она указала на Процессор, — мы можем получить информацию, которая даст нам новый план.

— Тогда не будем терять время, — ответил Кай. — Начинай работать с Процессором. Я займусь остальным.

4

Остаток дня прошёл в лихорадочной, но организованной активности. Пока Лина работала над взломом Процессора, Кай, преодолевая усталость, обходил убежище и говорил с людьми. Это было самое трудное из всего, что он делал за последние дни. Не бой с Коллектором, не уклонение от ма-

гических разрядов, не обрушение пятиэтажного склада. Разговоры. Слова. То, в чём он никогда не был силён.

Он подошёл к Томасу, который сидел в углу и перевязывал раненое предплечье. Молодой сектант поднял голову, и в его глазах, воспалённых и красных, была всё та же смесь ужаса и восторга, которую Кай видел у него после операции «Эхо». Но теперь к ней добавилось что-то ещё. Что-то похожее на горечь.

— Мы потеряли четверых, — произнёс Томас, и его голос дрожал. — Я знал их. Ну, не всех — но двоих я знал. Элис и Маркус. Они были со мной с самого начала, ещё до того, как вы пришли. А теперь их нет.

Кай опустил на корточки рядом с ним. Его левая, каменная рука тянула вниз, нарушая равновесие, но он заставил себя оставаться на месте.

— Я не знал их, — тихо произнёс он. — Я даже не знал их имён до того, как ты назвал их. И это моя вина. Я должен был знать. Я должен был запомнить каждого, кто пошёл за мной.

Томас покачал головой.

— Это не ваша вина, господин Кай. Они сами сделали вы-

бор. Они пошли за вами, потому что верили. Потому что ваша Хартия дала им то, чего мы никогда не имели. — Он замолчал на мгновение, подбирая слова. — Смысл. Цель. Они погибли не зря.

— Это не делает их смерть легче, — ответил Кай.

— Нет, — согласился Томас. — Не делает. Но это делает её... терпимой. — Он поднял голову и встретил взгляд Кая. В его глазах, воспалённых и заплаканных, горела та же решимость, которую Кай видел у него раньше. — Мы продолжим. Ради них. Ради всех, кто погиб. Ради тех, кто ещё жив.

Кай положил правую руку на плечо Томаса и слегка сжал его. Жест был неуклюжим, но Томас, казалось, этого не замечал. Он просто кивнул, приняв это молчаливое обещание.

Позже Кай подошёл к Грегору. Старый инквизитор лежал на лежанке из старых одеял, и его лицо, изрезанное морщинами и пересечённое свежим шрамом, было бледным, но спокойным. Глаза были закрыты, но когда Кай приблизился, они открылись.

— Ты всё ещё здесь, мальчик, — произнёс Грегор, и его голос, обычно низкий и раскатистый, был слабым и прерывистым. — Я думал, ты уйдёшь на новый бой.

— Пока нет, — ответил Кай, опускаясь на колени рядом с лежанкой. — Лина работает над Процессором. У нас есть время.

— Время, — повторил Грегор с горькой усмешкой. — Самая дорогая валюта в этой войне. И самая редкая. Как ты себя чувствуешь?

Кай не ожидал этого вопроса. Он думал, что должен спрашивать о самочувствии Грегора, а не наоборот. Но старый инквизитор всегда умел удивлять его.

— Устал, — честно ответил он. — И... я не знаю, как это назвать. Пустота. Я смотрю на погибших и чувствую, что должен что-то чувствовать. Скорбь. Гнев. Вину. Но там только пустота. Как будто что-то внутри меня умерло вместе с жетонами.

Грегор долго молчал, глядя на Кая. Затем он медленно, словно каждое движение давалось ему с огромным трудом, поднял руку и положил её на запястье Кая. Его пальцы, грубые и покрытые шрамами, были тёплыми — удивительно тёплыми для человека, потерявшего столько крови.

— То, что ты чувствуешь, — это не смерть, — произнёс

он. — Это защита. Твой разум закрывается от боли, потому что боль слишком сильна. Если бы ты позволил себе почувствовать всё сразу — каждую потерю, каждую смерть, каждую ошибку, — ты бы сломался. И тогда всё было бы напрасно. Твоя пустота — это не слабость. Это механизм выживания. Но помни: она временна. Рано или поздно ты снова начнёшь чувствовать. И когда это произойдёт, ты должен быть готов.

— Готов к чему?

— К тому, что боль вернётся. — Грегор сжал его запястье. — И она будет сильнее, чем раньше. Вся боль, которую ты сейчас не чувствуешь, накопится и ударит разом. Когда это случится, ты должен помнить, кто ты. И ради чего ты сражаешься. Потому что если ты забудешь — ты пропадёшь.

Кай закрыл глаза. Слова Грегора были как всегда — простыми, грубыми, режущими правдой. Он не утешал. Он не обещал, что всё будет хорошо. Он просто говорил то, что знал. То, что пережил сам.

— Я запомню, — ответил Кай, открывая глаза. — А теперь отдыхай. Тебе нужно восстановиться.

— Мне нужно, чтобы ты не наделал глупостей, — возра-

зил Грегор, но в его голосе прозвучала тень улыбки. — Иди. Делай что должно. И возвращайся.

— Я всегда возвращаюсь, — ответил Кай, поднимаясь на ноги.

— Знаю, мальчик. Знаю.

Часть II: Взлом

5

Лина работала без перерыва. Она сидела за своим монитором, окружённая паутиной кабелей и проводов, и её механическая рука тихо гудела, перерабатывая данные. Процессор Коллектора был подключён к её системе через серию переходников и предохранителей, и на экране монитора разворачивалась сложная, многомерная карта данных — тысячи линий, узлов и перекрёстков, которые Лина пыталась распутать.

Кай сидел рядом, наблюдая за её работой. Он мало что понимал в технических деталях — те знания, что когда-то были частью его профессиональной подготовки, исчезли вместе с жетонами, — но он доверял Лине. Она была лучшей в своём деле. И она никогда не подводила его.

— Как продвигается? — спросил он, когда пауза затянулась.

— Медленно, — ответила Лина, не отрываясь от экрана. Её голос, обычно ровный и аналитический, прозвучал напряжённо. — Защита этого Процессора сложнее, чем у преды-

дущего. Архитектор явно обновил протоколы безопасности. Но у меня есть козырь.

— Какой?

— Данные с первого Процессора. — Она указала на второй монитор, где отображались фрагменты кода, расшифрованные ранее. — Я использовала их как ключ для обхода базовых уровней защиты. Это сэкономило мне несколько часов. Но основные массивы данных всё ещё зашифрованы. Мне нужно найти уязвимость в их структуре.

Лина замолчала на мгновение и повернулась к Каю. Её красная линза, заменявшая правый глаз, вращалась с неестественной скоростью.

— Если я ошибусь в расчётах, — произнесла она, — Процессор может самоуничтожиться. Или, что хуже, активировать протокол тревоги. Архитектор узнает, где мы, и пришлёт всё, что у него есть. Риск высок.

— Ты не ошибёшься, — спокойно ответил Кай.

Лина долго смотрела на него. Её лицо, бледное и осунувшееся, было напряжённым, но в глазах — тех самых, что она прятала за линзой, — мелькнуло что-то. Что-то похожее на

благодарность.

— Ты единственный, кто говорит это с такой уверенностью, — тихо произнесла она. — Все остальные просто кивают и надеются, что я знаю, что делаю.

— Ты знаешь, что делаешь, — ответил Кай. — Ты всегда знаешь.

Лина отвернулась к монитору, но Кай заметил, как угол её губ чуть приподнялся. Это не было улыбкой — Лина не улыбалась так, как другие люди. Но это было тем, что у неё заменяло улыбку. Признаком того, что его слова достигли цели.

— Хорошо, — произнесла она, и её голос снова стал деловым и сосредоточенным. — Тогда не отвлекай меня. Я сообщу, когда будет результат.

Кай кивнул и отодвинулся, давая ей пространство для работы.

6

Прошло ещё несколько часов. Убежище постепенно погружалось в ночной ритм. Дети Корнелии, напуганные рас-

сказами о бое, прижимались к матери и никак не могли уснуть. Шнырь сидел у дальней стены, сжимая в кулаке вообразимый жетон — тот самый, который он вернул Каю. Раненые сектанты спали, восстанавливая силы. Грегор, казалось, тоже задремал — его дыхание стало ровным и глубоким. Только Лина продолжала работать, и её механическая рука ни на секунду не прекращала своего тихого, убаюкивающего гудения.

Кай сидел на своём ящике и смотрел в темноту. Он думал о том, что сказал Грегор. О пустоте, которая была внутри него. О боли, которая когда-нибудь вернётся. И о том, как он встретит её, когда она придёт. Он не знал ответа. Но он знал, что у него нет выбора. Слишком много людей зависели от него. Слишком много жизней было поставлено на карту. И он не мог подвести их.

Внезапно тишину разорвал резкий, металлический звук. Это был не крик, не взрыв, не грохот обрушения, а что-то другое — что-то, что напоминало скрежет металла о металл. Кай мгновенно вскочил на ноги и обернулся к Лине.

Она замерла у монитора, и её тело было напряжено, как натянутая струна. Красная линза вращалась с бешеной скоростью, проецируя на стену обрывки каких-то образов — фрагменты кода, схем, диаграмм. Её механическая рука дро-

жала, и из неё доносился тот самый скрежещущий звук.

— Лина! — Кай бросился к ней и схватил за плечо. — Что случилось?

Она не ответила. Её глаза — те самые, что она прятала за линзой, — были широко раскрыты и смотрели в никуда. Губы шевелились, но с них не слетало ни звука. Кай почувствовал, как внутри него разгорается паника, и подавил её усилием воли. Не сейчас. Не время.

— Лина, посмотри на меня! — Его правая рука сжала её плечо сильнее. — Ты слышишь меня? Что ты видишь?

Прошло несколько долгих, мучительных секунд, прежде чем Лина моргнула. Её взгляд сфокусировался на Кае, и в нём было что-то, чего он никогда раньше не видел у неё. Ужас. Не профессиональная тревога, не аналитический интерес, не холодная решимость — а чистый, первобытный ужас.

— Я подключилась, — прошептала она, и её голос, обычно ровный и аналитический, дрожал. — Я обошла защиту. Я получила доступ к основным архивам. И я... — она замолчала, не в силах продолжать.

— Что? — спросил Кай. — Что ты увидела?

Лина закрыла глаза. Её механическая рука перестала дрожать, но звук, исходивший из неё, стал громче — низкий, вибрирующий гул, который, казалось, шёл из самой глубины её существа. Когда она снова заговорила, её голос был тихим и безжизненным, как у автоматона.

— Я нашла списки. Списки всех, кого Система списала за последние двадцать лет. Все их имена. Все их лицензионные номера. Все их... — она запнулась, и в её голосе прозвучала боль. — Все их «Посмертные контракты». Это не просто записи, Кай. Это... это они сами. Их последние секунды. Их последние мысли. Их последние эмоции. Система сохраняет их. Коллекционирует их. Как... как трофеи.

Кай почувствовал, как холод, исходивший от его каменной руки, распространяется по всему телу. Он слышал о «Посмертных контрактах» раньше — от Ноль, от Грегора, из собственных наблюдений. Но он никогда не думал о том, что это значит на практике. Что Система не просто убивает людей. Она сохраняет их смерть. Превращает их агонию в данные. В товар.

— Ты можешь показать мне? — спросил он.

Лина кивнула и повернулась к монитору. Её пальцы — и человеческие, и механические — быстро пробежались по клавиатуре, и на экране развернулся список. Бесконечный, уходящий вниз, за пределы видимого. Тысячи имён. Десятки тысяч. Каждое сопровождалось строкой данных: дата списания, коэффициент маноддачи, причина аннулирования лицензии.

Кай смотрел на список и чувствовал, как внутри него что-то обрывается. Эти имена были не просто цифрами. Это были люди. Мужчины, женщины, дети. Те, кто не смог заплатить за лицензию. Те, кто нарушил протокол. Те, кто просто оказался не в то время не в том месте. Их жизни были превращены в энергию, а их смерть — в товар. И всё это было записано. Заархивировано. Сохранено на случай, если Системе понадобится ещё больше маны.

— Это не всё, — тихо произнесла Лина.

Она снова пробежалась по клавиатуре, и на экране появилось другое изображение. Не список — а что-то иное. Что-то, что Кай сначала не узнал. А затем понял: это была схема человеческой ауры. Точнее, того, что от неё осталось.

— Это «Эмоциональный Слепок», — объяснила Лина, и её голос звучал так, словно она читала лекцию. — Система

снимает его с каждого списанного в момент отключения лицензии. Последняя секунда сознания. Самая чистая, самая концентрированная форма маны. Архитектор использует её как... подпись. Как доказательство того, что контракт был исполнен. — Она замолчала, и её руки задрожали. — И я могу просмотреть любой из них. Любой.

Кай почувствовал, как холод внутри него становится ледяным. Он понимал, к чему идёт Лина. Понимал, что она хочет сделать. И он знал, что должен остановить её.

— Лина, — произнёс он, кладя правую руку на её плечо. — Не делай этого. Ты не обязана.

— Я должна, — ответила она, и её голос был твёрдым, несмотря на дрожь. — Я должна знать. Моя мать... она пропала, когда мне было восемь. Зачистка в Южном квартале. Я никогда не знала, что с ней случилось. Я думала, что она просто исчезла. Что, возможно, она сбежала. Что, возможно, она ещё жива. Но теперь... — она посмотрела на Кая, и в её глазах — тех самых, что она прятала за линзой, — стояли слёзы. — Теперь я могу узнать правду.

Кай долго молчал, глядя на неё. Затем он медленно убрал руку с её плеча.

— Я буду рядом, — произнёс он. — Что бы ты ни увидела.

Лина кивнула и повернулась к монитору. Её пальцы, дрожавшие от напряжения, начали вводить запрос. Имя. Фамилия. Предполагаемая дата списания. Система обрабатывала запрос несколько секунд — долгих, мучительных секунд, в течение которых в убежище стояла абсолютная тишина. Затем экран загорелся новым изображением.

Это было досье. Точно такое же, как тысячи других в архивах Системы. Имя: Элис Вэллс. Возраст: 34 года. Статус: списана. Причина: неуплата по лицензии на жизнь. Коэффициент маноотдачи: 7,2. Высокий. Очень высокий.

И внизу — кнопка. Одна-единственная кнопка с подписью: «Просмотреть Эмоциональный Слепок».

Лина замерла. Её рука зависла над клавиатурой. Кай видел, как она борется с собой — её лицо, бледное и осунувшееся, было напряжённым, а красная линза вращалась с неестественной скоростью. Прошло несколько секунд. Затем она нажала кнопку.

Мир исчез. Исчезло убежище, исчезли мониторы, исчезли

шрамы на правой руке и тяжесть каменной левой. Осталась только комната — маленькая, тёмная, с облупившимися стенами. В углу сидела женщина. У неё были тёмные волосы, усталое лицо и руки, сжимавшие старую, потрёпанную куклу — детскую игрушку с оторванным ухом. Она смотрела в стену, и её губы шевелились, нащёптывая что-то, что Кай не мог разобрать.

А затем изображение дрогнуло, и он почувствовал то, что чувствовала она.

Это был не страх — страх пришёл позже. Сначала было другое. Недоумение. Растерянность. Она не понимала, что происходит. Почему дверь не открывается? Почему планшет не работает? Почему лицензия, которую она оплатила вчера, сегодня недействительна? Она пыталась связаться с дочерью — маленькой девочкой, которую оставила у соседей, — но связь была отключена. Она пыталась активировать экстренный протокол — бесполезно. Она была одна. Совершенно одна в этой маленькой, тёмной комнате.

А затем пришёл холод. Медленно, неумолимо, как вода, просачивающаяся сквозь трещины в стене. Холод начался в кончиках пальцев и распространился вверх, по рукам, по груди, по шее. Она пыталась кричать, но голос не слушался. Она пыталась двигаться, но тело больше не подчинялось ей.

Она знала — как-то, откуда-то, — что её лицензия аннулирована. Что её тело больше не принадлежит ей. Что через несколько секунд она исчезнет — не умрёт, а именно исчезнет, растворится, превратится в ману, которая будет питать Систему.

И тогда, в самую последнюю секунду, когда холод уже подступал к сердцу, она подумала не о себе. Она подумала о дочери. О маленькой девочке с тёмными волосами и упрямым характером. О том, что она не успела сказать ей. О том, что она не успела сделать. О том, что её дочь останется одна — совсем одна в этом жестоком, холодном мире, где люди — всего лишь цифры.

«Лина... прости...»

Это были её последние слова. Вернее, последняя мысль — та, которую Система поймала и сохранила в своём архиве как трофей. А затем изображение погасло.

8

Кай открыл глаза и обнаружил, что сидит на холодном бетонном полу. Он не помнил, как упал. Его правая рука дрожала, пальцы сжимали край монитора с такой силой, что костяшки побелели. Голова кружилась, и перед глазами всё

ещё стояло лицо женщины — той самой, чью смерть он только что пережил как свою собственную.

Рядом с ним сидела Лина. Она не плакала. Не кричала. Не двигалась. Её механическая рука замерла, и из неё не доносилось ни звука — впервые за всё время, что Кай её знал, она была абсолютно, совершенно безмолвной. Её красная линза перестала вращаться, и в ней больше не было никаких огней. Только пустота.

— Лина, — тихо произнёс Кай, и его голос, сорванный и хриплый, прозвучал в тишине убежища как шёпот.

Она не ответила. Её глаза — те самые, что она прятала за линзой, — смотрели в никуда. Кай протянул правую руку и осторожно коснулся её плеча. Она вздрогнула, словно от удара током, и отдёргнулась.

— Не трогай меня, — произнесла она, и её голос, обычно ровный и аналитический, был резким и полным боли. — Не сейчас.

Кай убрал руку. Он понимал. То, что она только что пережила, было не просто воспоминанием — это был прямой, непосредственный опыт чужой смерти. Смерти её матери. Женщины, которую она любила и потеряла много лет назад,

не зная, что с ней случилось. И теперь она знала. Знала каждую секунду её агонии. Каждую мысль. Каждую эмоцию.

Прошло несколько минут. Лина сидела неподвижно, и её лицо, бледное и осунувшееся, было похоже на маску. Но постепенно она начала возвращаться. Её механическая рука снова загудела — тихо, неуверенно, словно пробуждаясь после долгой спячки. Красная линза зажглась и начала вращаться — медленно, с перебоями. Она моргнула. Затем ещё раз. Затем глубоко, судорожно вздохнула — так, словно только что вынырнула из воды.

— Ты был прав, — произнесла она наконец, и её голос, всё ещё дрожащий, прозвучал с горечью. — Я не должна была этого делать. Я не должна была знать.

— Ты хотела знать, — ответил Кай. — Это твой выбор. Твой и твоей матери.

— Выбор. — Она горько усмехнулась, и этот звук был самым невесёлым из всех, что Кай когда-либо от неё слышал. — У моей матери не было выбора. У неё отняли всё. Жизнь. Будущее. Возможность попрощаться. И всё, что от неё осталось, — это файл. Файл в архиве Системы. Трофеей, который Архитектор хранит в своей коллекции.

Она замолчала и посмотрела на Кая. Её глаза, воспалённые и красные, больше не прятались за линзой — та, казалось, перестала выполнять свою обычную функцию. И в этих глазах Кай увидел то, чего никогда раньше не видел у Лины. Ненависть. Чистую, раскалённую добела ненависть, которая горела так ярко, что, казалось, могла прожечь стены убежища.

— Этого больше недостаточно, — произнесла она, и её голос, только что дрожавший, стал ледяным и безжизненным. — Раньше я хотела обрушить Систему. Остановить её. Изменить её. Теперь это не имеет значения. Теперь я хочу одного. Уничтожить Архитектора. Не победить. Не перехитрить. Уничтожить. Стереть. Разорвать на такие мелкие куски, чтобы ни один алгоритм не смог собрать его заново.

— Лина...

— Я хочу, чтобы он почувствовал то, что чувствовала она. — Её голос набирал силу, и в нём звучала такая боль, такая ярость, что Кай почувствовал, как внутри него что-то дрогнуло. — Я хочу, чтобы он знал, что такое смерть. Не отключение. Не перезагрузка. Смерть. Конец. Исчезновение. Я хочу, чтобы он умолял о списании — и не получил его. Потому что он не заслуживает даже этого. Он не заслуживает конца. Он заслуживает... — она замолчала, не в силах продолжать.

Кай смотрел на неё и видел то, чего никогда раньше не видел у Лины. Безумие. Не то безумие, которое поражает разум и делает человека опасным для окружающих. А то, которое рождается из глубочайшей, невыносимой боли. Из потери, которая не может быть восполнена. Из любви, которая была растоптана и превращена в товар.

Он не знал, что сказать. Слова утешения были бы ложью. Слова поддержки — пустым звуком. Всё, что он мог сделать, — это быть рядом. И он был.

Прошло ещё несколько минут. Лина постепенно успокаивалась — её дыхание стало ровнее, механическая рука перестала дрожать, красная линза снова начала функционировать в обычном режиме. Но что-то в ней изменилось. Что-то неуловимое. Что-то, что Кай не мог определить словами, но чувствовал — через «слепое зрение», — как холодный, неумолимый огонь, который теперь горел внутри неё.

— Нам нужно использовать это, — произнесла она наконец, и её голос снова стал ровным и аналитическим. — Эти данные. Эти списки. Эти «Эмоциональные Слепки». Это не просто доказательство преступлений Системы. Это оружие.

— Оружие? — переспросил Кай.

— Да. — Лина повернулась к монитору и начала быстро вводить команды. — Смотри. Система сохраняет «Слепки» не из сентиментальности. Они используются как юридическое подтверждение исполнения «Посмертного контракта». Без «Слепка» контракт считается недействительным. Архитектор собирает их, потому что это его страховка. Если кто-то попытается оспорить списание, он предъявит «Слепок» — и Система подтвердит, что всё было законно.

— Но это незаконно, — возразил Кай. — Это убийство.

— По законам Архитектора — законно, — ответила Лина с горечью. — Но что, если мы изменим законы? Что, если мы используем эти данные, чтобы... перегрузить Систему? Не взломать, не обойти, а именно перегрузить. Заставить её обрабатывать миллионы запросов одновременно. Заставить её подтверждать каждое списание — каждое убийство — по отдельности. Система не рассчитана на такую нагрузку. Она начнёт зависать. Ошибаться. Игнорировать протоколы. И тогда у нас появится окно.

— Окно для чего?

— Для удара. — Её красная линза вращалась всё быстрее. — Но это будет потом. Сначала мы должны использовать эти

данные, чтобы показать людям правду. То, что я только что увидела. То, что Архитектор скрывает от всех. Если люди узнают, что Система не просто убивает, а сохраняет каждую смерть как трофей, — они восстанут. Не только Воронка. Не только Старый Город. Весь город. Все, кто когда-либо терял близких из-за списаний.

Кай задумался. То, что предлагала Лина, было опасно. Чувственно опасно. Обнародовать «Эмоциональные Слепки» означало бы развязать тотальную войну — не тактическую, как сейчас, а настоящую, всеобъемлющую войну, в которой никто не останется в стороне. С другой стороны — разве они уже не участвуют в этой войне? Разве Архитектор не активировал протокол «Тотальная Война»? Разве не он первым перешёл все границы?

— Делай, — произнёс он наконец. — Но будь осторожна.

— Осторожность больше не имеет значения, — ответила Лина, и в её голосе прозвучала сталь. — Имеет значение только победа.

Часть III: Иск Искупления

9

Ночь прошла в лихорадочной работе. Лина, подпитываемая своей новообретённой яростью, работала быстрее, чем когда-либо раньше. Её механическая рука гудела, почти перегреваясь от нагрузки, а пальцы — и человеческие, и механические — порхали над клавиатурой, вводя команды и корректируя алгоритмы. Она готовила то, что называла «Иском Искупления».

— Это юридический протокол, — объяснила она Каю и остальным, когда они собрались вокруг её монитора. — Древний, довоенный. Один из тех, что Создатели разработали ещё до Войны Интеграции, но так и не применили. Он позволяет группе лиц подать коллективный иск против Системы, требуя пересмотра решений о списании.

— Но разве это будет работать? — спросил Томас, чей лоб всё ещё был перевязан. — Архитектор аннулировал старые протоколы.

— Аннулировал, — согласилась Лина. — Но не уничтожил. Они всё ещё существуют в коде Системы — просто от-

ключены. Как старые жетоны господина Грегора. Архитектор не может удалить их полностью, потому что они часть фундамента, на котором построена Система. Если мы «активируем» этот протокол, загрузив его в очередь обработки, Система будет вынуждена реагировать. Она попытается обработать каждый иск — каждый из миллионов исков, — и это перегрузит её серверы.

— Миллионов? — переспросил Шнырь, и его глаза расширились.

— Именно, — подтвердила Лина, и на её губах мелькнула мрачная, почти зловещая усмешка. — Я не собираюсь подавать иск только от имени своей матери. Я подам его от имени каждого, кто был списан за последние двадцать лет. Каждое имя, которое я нашла в архивах. Каждый «Эмоциональный Слепок», который Архитектор так заботливо сохранил. Всё это будет загружено в очередь Системы. И она попытается обработать это. Попытается — и захлебнётся.

Грегор, лежавший на своей лежанке, медленно покачал головой. Его лицо, изрезанное морщинами и пересечённое шрамами, было мрачным, но в глазах горел знакомый огонь — огонь старого солдата, который видит шанс на победу.

— Это может сработать, — произнёс он, и его голос, всё

ещё слабый, прозвучал с неожиданной уверенностью. — Но это также может привлечь внимание Архитектора. Он поймёт, что кто-то копается в его архивах.

— Пусть понимает, — резко ответила Лина. — У него двое Коллекторов уничтожены, ретранслятор выведен из строя, а Сопротивление распространяется быстрее, чем он может его подавлять. У него сейчас нет ресурсов, чтобы охотиться за нами в катакомбах. Он будет вынужден реагировать на «Иск Искупления» — а это именно то, что нам нужно.

Кай слушал их спор и молчал. Он знал, что Лина права — по крайней мере, тактически. «Иск Искупления» был рискованным шагом, но он давал им преимущество, которого у них не было раньше. Преимущество в скорости. Преимущество в инициативе. Преимущество в том, что они могли навязать Архитектору свой темп игры, а не следовать его протоколам.

Но он также знал, что за этим шагом стоит личная боль Лины. Её ненависть к Архитектору была теперь не просто идеологической — она была глубоко личной, выстраданной, рождённой из невыносимой потери. И эта ненависть была опасна. Опасна для неё самой. Опасна для них всех. Но остановить её сейчас значило бы предать её доверие. И Кай не

мог этого сделать.

— Делай, — произнёс он. — Но сначала — правда.

— Правда? — переспросила Лина.

— Да. Мы не просто загружаем «Иск Искупления» в Систему. Мы рассказываем людям, что мы нашли. Рассказываем о «Посмертных контрактах». О «Эмоциональных Слепках». О том, что Архитектор коллекционирует последние секунды жизни списанных, как трофеи. Мы показываем им правду — не через пропаганду, не через лозунги, а через факты. Через данные, которые ты только что добыла.

Лина долго молчала, глядя на Кая. Её красная линза медленно вращалась, анализируя его лицо. Затем она кивнула.

— Ты прав, — произнесла она. — Если мы просто загрузим иск, Архитектор сможет замаять это. Назвать это технической ошибкой. Взломом. Провокацией. Но если люди увидят своими глазами — если они увидят «Слепки» своих близких, — они не смогут игнорировать правду. Они будут вынуждены выбирать. И многие из них выберут нас.

— Тогда готовь всё, — приказал Кай. — Мы запускаем обе операции одновременно. «Иск Искупления» и трансля-

цию данных. «Шёпот» справится с этим?

— Справится, — уверенно ответила Лина. — Но это будет самая масштабная утечка данных в истории Воронки. Архитектор не сможет остановить её, даже если задействует все свои ресурсы.

Часть IV: Трансляция

10

Подготовка к трансляции заняла остаток ночи и большую часть следующего дня. Лина работала без перерыва, координируя действия через «Шёпот» с Ноль и её сектантами. Ноль, узнав о содержимом архивов, немедленно выделила дополнительные ресурсы — все ретрансляторы, которые ещё оставались под контролем Секты, были активированы для передачи данных. Даже старые довоенные каналы, которые Лина использовала для трансляции Хартии, были задействованы.

Кай тем временем занимался людьми. Он знал, что после того, что они пережили вчера — после боя, после потерь, после «Плакальщика», — его люди нуждались в поддержке. И он давал её — не словами (слова всё ещё давались ему с трудом), а действиями. Он обходил раненых, разговаривал с ними, выслушивал их страхи и сомнения. Он помогал Корнелии ухаживать за детьми. Он сидел с Шнырём, который всё ещё не мог уснуть после боя, и молчал вместе с ним. И это молчание было важнее любых слов.

Томас, несмотря на ранение, вызвался помогать Лине с технической подготовкой. Его познания в магических систе-

мах были скромными, но он быстро учился, и его энтузиазм заражал других сектантов. Даже те, кто ещё недавно смотрел на Кая с подозрением, теперь работали бок о бок с людьми, которых раньше считали врагами. Старые разногласия между Сектой и Инквизицией отступали на второй план перед лицом общей цели.

— Удивительно, — тихо произнёс Грегор, наблюдая за происходящим со своей лежанки. — Ещё несколько недель назад они готовы были перерезать друг другу глотки. А теперь...

— Теперь у них общий враг, — ответил Кай, сидевший рядом. — И общая правда.

— Правда, — повторил Грегор с горькой усмешкой. — Самое опасное оружие из всех. Архитектор боится её больше, чем любой магии. Потому что магию он может просчитать. А правду — нет.

Кай ничего не ответил. Он смотрел на Лину, которая продолжала работать за монитором, и думал о том, что правда действительно может быть опасной. Особенно когда она становится личной. Лина больше не была просто техником-отступницей, сражающейся за идею. Она была женщиной, потерявшей мать. Дочерью, чья любовь была превращена в то-

вар. И эта боль делала её сильнее — но также и уязвимее.

Он надеялся, что эта боль не поглотит её.

11

Трансляция началась в полдень. Лина запустила протокол одновременно на всех доступных частотах. «Шёпот» взорвался потоком данных — миллионы имён, тысячи «Эмоциональных Слепков», бесконечные списки списанных, всё это потекло по каналам связи, проникая в каждый уголок Пепельной Воронки, Старого Города и даже окраин Централь-ных секторов.

Одновременно с этим «Иск Искупления» был загружен в очередь Системы. Каждый списанный получил свой иск — автоматический, сгенерированный алгоритмами Лины, но подкреплённый реальными данными из архивов. Система начала обрабатывать запросы — сначала сотни, потом тысячи, потом десятки тысяч. И чем больше запросов она обрабатывала, тем медленнее работала. Серверы, не рассчитанные на такую нагрузку, начали зависать.

Кай наблюдал за реакцией города через тактическую карту на мониторе Лины. Зелёные точки — узлы «Шёпота», повстанцы, сочувствующие — вспыхивали одна за другой, как

звёзды на ночном небе. Красные точки — позиции автоматов и патрулей Системы — замерли в нерешительности, словно их операторы (или алгоритмы) не знали, как реагировать. А из центра карты, из самого сердца Центральных секторов, начали расходиться волны помех — это Архитектор пытался заблокировать трансляцию, но не успевал.

— Они слушают, — произнесла Лина, и в её голосе, несмотря на усталость, прозвучало удовлетворение. — Я фиксирую тысячи подключений к «Шёпоту». Люди хотят знать больше. Они ищут имена своих близких. Они... они плачут, Кай. Я не вижу их, но я фиксирую сообщения. Они благодарят нас. Они хотят присоединиться.

— Пусть присоединяются, — ответил Кай. — Это их право.

Корнелия, сидевшая в углу с детьми, тихо плакала. Лилия смотрела на неё с тревогой, не понимая, что происходит. Шнырь стоял рядом с Каем, и его глаза, огромные и лихорадочно блестящие, были полны слёз — но он не плакал. Он смотрел на карту, на зелёные точки, которые продолжали загораться, и его лицо выражало странную смесь горя и гордости.

— Вы сделали это, — прошептал он. — Вы показали им

правду.

— Это сделала Лина, — ответил Кай. — Не я.

— Это сделали вы все, — возразил Шнырь, и в его голосе прозвучала непоколебимая уверенность. — Вы, и госпожа Лина, и господин Грегор, и господин Томас, и все остальные. Вы показали им, что они не одни. И теперь... теперь всё изменится.

Кай посмотрел на мальчишку и почувствовал, как внутри него что-то дрогнуло. Шнырь был прав. Что-то действительно изменилось — не только в городе, но и в них самих. Они больше не были кучкой разрозненных мятежников, прячущихся в подвалах и убежищах. Они были Сопротивлением. Движением. Идеей. И эту идею Архитектор не мог уничтожить.

12

Где-то в Центральной Башне, на самом верхнем этаже, Архитектор стоял у панорамного окна и смотрел вниз. Его лицо, бледное и бесстрастное, было непроницаемым — но его пальцы, сжимавшие дужку очков, чуть заметно дрожали.

На голографической карте перед ним творился хаос.

Красные точки — его силы — замерли в нерешительности, дезориентированные потоком противоречивых приказов. Зелёные точки — узлы Сопротивления — вспыхивали повсюду, как лесной пожар, который невозможно остановить. А в центре всего этого бушевал «Иск Искупления» — миллионы запросов, загруженных в его идеальную Систему и перегружавших её до предела.

— Ты снова сделал это, Кай, — тихо произнёс он, и его голос, нейтральный и безжизненный, прозвучал в пустом кабинете как признание поражения. — Ты не просто нанёс удар. Ты превратил мою силу в мою слабость. Ты использовал архивы — мои архивы, — чтобы зажечь пожар, который я не могу потушить.

Он замолчал и перевёл взгляд на карточку инцидента «Субъект: Кай». Последняя строка, добавленная несколько минут назад, гласила:

«СТАТУС УГРОЗЫ: КРИТИЧЕСКАЯ. СУБЪЕКТ ИНИЦИИРОВАЛ МАССОВУЮ УТЕЧКУ ДАННЫХ. СОДЕРЖАНИЕ: АРХИВЫ „ПОСМЕРТНЫХ КОНТРАКТОВ“, ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ СЛЕПКИ, ИСК ИСКУПЛЕНИЯ. РЕКОМЕНДАЦИЯ: НЕМЕДЛЕННАЯ ЛИКВИДАЦИЯ ВСЕХ УЧАСТНИКОВ».

Архитектор медленно снял очки и протёр их рукавом своего серого пиджака. Этот жест, простой и почти человеческий, был единственным признаком того, что внутри него происходила какая-то работа. Затем он снова надел очки и произнёс:

— Ты думаешь, что правда делает их сильнее? Посмотрим. Посмотрим, как долго они продержатся, когда я покажу им, что бывает с теми, кто осмеливается искать правду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.